

УДК 327:94 (5–191.2)

**РЕЛИГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX в.: ТУРЦИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

А.А. Салиев

Раскрывается роль Турции в системе международных отношений в Центральной Азии и в частности религиозного фактора, имевшего существенное значение в геополитических планах Анкары в отношении этого региона.

Ключевые слова: геополитика; религия; ислам; Османская империя; Турция; Центральная Азия; среднеазиатские ханства; мусульманский мир.

**THE RELIGION AND GEOPOLITICS IN CENTRAL ASIA
OF THE SECOND HALF XIX – BEGINNING XX CENTURY:
TURKEY IN SYSTEM OF THE REGIONAL RELATIONS**

A.A. Saliev

The role of Turkey in system of the international relations in Central Asia and in particular the religious factor which had essential value in geopolitical plans of Ankara concerning this region reveals.

Keywords: geopolitics; religion; Islam; Ottoman empire; Turkey; Central Asia; Central Asian khanates; Muslim world.

Географически Османская империя (Турция) не относилась к региону Центральной Азии, как, впрочем, и многие иные субъекты геополитики в этой части азиатского континента (Англия, Франция, Германия и др.). Пожалуй, только Россия, присоединив Среднюю Азию, могла к ним относиться на совершенно легитимных основаниях. Однако, на наш взгляд, геополитика как таковая тем и отличается от региональных международных отношений, что она включает в свой “оборот” многие отдаленные от того или иного места планеты страны. Мы намерены в последующем затронуть вопрос о том, какую роль сыграли в геополитике в Центральной Азии, например, Франция и даже США. Понятно, что и степень влияния религиозного фактора со стороны разных государств на геополитику в указанном регионе была тоже разной. Что же касается Турции, то для нее он, видимо, представлялся самым значительным. В рассматриваемый нами период Турция считалась лидером мусульманского мира. Османская империя (Турция) оставалась чисто мусульманским государством. К. Маркс писал о том, что “турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли

не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона” [1, с. 130]. Он отмечал, что поэтому в Османской империи немислимо уравнение мусульман и “гяуров” (“неверных” – христиан). К. Маркс указывал, что “это непременно означало бы на деле – заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами, означало бы разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей” [1, с. 130]. Сегодня многие считают едва ли не предосудительным обращаться к трудам “классиков” марксизма. И зря, так как они не утратили своей теоретической значимости для ясного и четкого понимания тех или иных исторических проблем, не исключая, понятно, и нами рассматриваемую. Так вот, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали важнейшее значение религиозного фактора в Османской империи. Они писали о том, что турки могут быть разными по имущественному положению, “но какое бы социальное положение он не занимал, он принадлежит к привилегированной религии и национальности – он один имеет право носить оружие и самый высокопоставленный христианин обязан

при встрече уступать дорогу мусульманину, принадлежащему к низшему слою общества” [2, с. 6]. Как известно, такого никогда не было в Российской империи, где высокопоставленный мусульманин имел преимущество перед низшим по социальному статусу православным или иным христианином. Зато в Британской Индии самый захудалый англичанин стоял выше высокопоставленных индусов или мусульман. Как известно, Османская империя играла значительную роль в мировой геополитике. Она завоевала обширные территории в Европе, в которой она рассматривалась именно как исламская – противник главной континентальной религии – христианства. Кстати, нынешние трудности Турции со вступлением в Евросоюз связаны, на наш взгляд, во многом именно с этим обстоятельством. Тем не менее, некоторые страны Европы вступали с Турцией во временные союзы, в связи с чем ее роль в мировой геополитике только возрастала. Однако с течением времени Османская империя утрачивала свои позиции, особенно в XVIII в. В XIX в. процесс продолжался, поскольку Турция была снедаема внутренними противоречиями и ростом освободительного движения покоренных ею народов. Об этом неплохо пишет российский исследователь С.А. Нефедов [3, с. 591–634]. Император Николай I (1825–1855) называл Турцию “большим человеком”. К. Маркс писал в 1853 г. о том, что этот русский “царь всегда тщательно заботился о том, чтобы разложение турецкого государства совершалось исключительно под опекой России” [4, с. 202]. Для понимания сущности рассматриваемой нами в данной статье проблемы это замечание “классика” имеет важное значение, так как, завоевав Среднюю Азию, Россия приобрела мощные “ударные” позиции в отношении Турции. Однако, несмотря на явно слабеющие опоры, Османская империя в изучаемый нами период все же сохраняла свой вес как в мировой, так и региональной политике. И в немалой мере именно из-за своего религиозного статуса. Во многих местах мусульманского мира, весьма отдаленных от “Оттоманской” империи (например, в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и др.), турецкий султан считался “халифом” всех “правоверных”. Конституция Османской империи 1876 г. в статье 4-й гласила: “Его Величество в силу звания халифа есть покровитель мусульманской религии. Он повелитель и падишах всех оттоманов” [5, с. 115]. Во многом сохранению влияния такого статуса способствовало то, что Турция владела Хиджазом с его главными святынями мусульман – Меккой и Мединой. И берегла его как зеницу ока. Зарубежный исследователь А. Петерсен пишет о том, что Османская империя завоевала, а потом утратила многие территории, но “она, тем не менее, не утратила

контроль над Хиджазом, где турки сохранили существовавшее местное управление шерифов Мекки в качестве своих губернаторов” [6, с. 8]. Ежегодно десятки тысяч приверженцев веры Пророка совершали хадж (паломничество) в это священное место ислама, где имели дело с турецкими властями. Понятно, что мусульмане Центральной Азии не были исключением, хотя хадж в регионе до прихода в него России и постройки здесь железных дорог совершали очень немногие верующие. Таким образом, хадж адептов ислама в Центральной Азии был одним из обстоятельств роста религиозного фактора в геополитике Османской империи в этом регионе, о чем весьма подробно писал российский исследователь В.П. Литвинов [7, с. 311].

Турция проявила геополитический интерес к Центральной Азии еще в XV в. И он заявил о себе именно в религиозном отношении. После взятия Константинополя султан Мехмет II направил в регион шейха Эфенди-Таура для установления связей с тамошними правителями и простыми мусульманами. Посланец явился в Туркестан с драгоценным религиозным даром – “Кораном Османа”, который считался рукописным произведением самого этого “праведного халифа”, писавшего его перед своим убийством, в связи с чем на книге сохранились пятна крови третьего преемника Пророка. Упомянутый выше В.П. Литвинов пишет: “Не исключено, что сам Эфенди-Таур или же его ученики подарили эту “священную” реликвию бухарским ханам, которые передали ее в Самарканд для хранения в мечети при мавзолее Ходжа Ахрара. Известно, что коронация (вознесение на белом войлоке) бухарских правителей происходила в Самарканде, во время которой муллы читали именно этот Коран” [8, с. 210]. Как известно, во время самаркандской операции русских войск в 1868 г. шейхи-хранители мавзолея Ходжа Ахрара продали драгоценную реликвию за сто рублей русскому офицеру Серову, после чего она оказалась в Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге [9, с. 65].

После посещения турком Эфенди-Тауром Центральной Азии власти Османской империи продолжали поддерживать связи со среднеазиатскими ханствами – Бухарским и Хивинским, к которым на рубеже XVII–XVIII вв. присоединилось Кокандское. Они направляли туда как официальные посольства, так и агентов-разведчиков, являвшихся в ханства под личиной мулл, учителей, дервишей, абитуриентов, поступающих в знаменитые бухарские медресе и т. п. Ограниченность рамок данной статьи не позволяет осветить эту проблему подробно, однако мы можем говорить о том, что до появления первых признаков российской

экспансии в Центральной Азии, несмотря на религиозное “родство”, турецкий “истеблишмент” не придавал особенного значения региональным ханствам как субъектам мировой геополитики – Стамбул был занят проблемами европейских отношений, борьбой с шиитской Персией, ваххабитским движением в Аравии и т. д. Считалось, что ханства Центральной Азии как собраться по вере будут всегда в русле турецкой геополитики в регионе. Однако в первой половине XIX в. ситуация в последнем стала меняться, причем не в пользу Османской империи. В 1830-х гг. Россия устроила военные укрепления на северном берегу Каспийского моря. Турецкие власти усмотрели в таких действиях большую стратегическую угрозу для себя. И для того, чтобы купировать ее, они прибегли к религиозному рычагу в геополитике, направив “в Закаспийский регион своих агентов из числа турецких накшбендийцев, поставив перед ними задачу усиления исламизации туркмен, казахов и проч. номадов края и развития в них антирусских настроений. В начале 1840-х гг. в регион прибыли агенты турецких спецслужб: Кутлуг-хаджи (старший в “команде”), Мухаммед-шериф и Юсуф-ишан. Все они объявили себя ходжами-ишанами – духовными наставниками номадов, а Кутлуг-хаджи получил прозвище “Каракум-ишана” [8, с. 212]. Узбекистанский историк А.П. Савицкий уверенно считал Каракорум-ишана, появившегося с товарищами в дельте Амударьи в 1840-х гг., турецким агентом, связанным также и с английскими спецслужбами в Британской Индии. Он писал о том, что к ишану постоянно и открыто наезжали “гости” из Турции, так как Туркмения тогда еще не была присоединена к России. Каракорум-ишан открыто принимал у себя турецких агентов в фесках [10, с. 62–63]. Турецкие агенты-ишаны сыграли большую роль в том, что присоединение Туркмении к России шло с большим трудом и в виде вооруженных столкновений. Однако “даже после присоединения Туркмении к России ученики “Каракум-ишана” продолжали свою антироссийскую деятельность среди туркмен, казахов и др. в пользу Турции, вплоть до падения царизма, активно используя для этого “святые места” и паломничество к ним” [8, с. 212]. В подобных действиях Османской империи в Центральной Азии активно сочетались религия и геополитика. Естественно, что это не могло не проявить себя во время экспансии России в Средней Азии в 1860-х гг. Турки изначально усилили против нашествия “неверных” в ханствах региона, о чем писал российский разведчик, этнический казах Чокан Валиханов [11, с. 223]. Авторитетные специалисты свидетельствуют о том, что время продвижения России в Средней

Азии Англия действовала в контакте с Османской империей. Они отмечают: “Английские и турецкие агенты действовали от имени султана как “халифа правоверных” и разжигали религиозный фанатизм. Под знаменем защиты ислама они подстрекали реакционное мусульманское духовенство среднеазиатских ханств против России... После взятия Ташкента в Средней Азии еще более усилилась деятельность английских и турецких агентов” [12, с. 820]. Такая пропаганда имела успех, поскольку, как отмечал видный советский историк В.М. Хвостов, авторитет турецкого султана “высоко чтился в мусульманском мире” [12, с. 73]. Академик В.В. Бартольд уточнял, что среднеазиатские ханы признавали турецкого султана халифом всех правоверных мира в пику шиитской Персии [13, с. 427].

Понятно, что Турции не нравилось продвижение России вглубь Туркестана. Вместе с тем, правители Османской империи – халифы “правоверных” – использовали свой религиозный статус в Центральной Азии осторожно. Они учитывали то, что новая война (после Крымской 1853–1856 гг.) с Россией не сулит им никаких выгод, так как процесс обновления царской империи, вступившей в полосу кардинальных реформ, был более чем очевиден. Разыгрывать в таких условиях религиозную карту в мировой геополитике в Туркестане они не решались, поскольку это не находило понимания и в европейских христианских столицах, не желавших усиления Османской империи. Турецкий исследователь М. Сарай пишет о том, что во время русско-бухарской кампании 1868 г. посол бухарского эмира Музаффера в Стамбуле “предложил турецким властям оказать помощь Бухаре, направив военных советников и специалистов по изготовлению оружия, однако турецкое правительство отказалось послать своих военных в Бухару, так как оно опасалось, что это может вызвать протест со стороны России” [14, с. 22]. Вместо этого Турция послала в Бухару своего эмиссара – шейха Сулеймана-эфенди, прибывшего в Бухару в конце 1870 г. Не исключено, что он надоумил местные власти просить подданства Турции, поскольку 8 февраля 1871 г. бухарское правительство направило великому визирю Османской империи “меморандум”, в котором просило султана взять ханство под свою руку и отмечало, что вся “страна и народ будут подчиняться Оттоманской империи во всем, что она пожелает, и все приказы ее будут исполняться беспрекословно и сразу. Правительство нашей страны, находясь под Оттоманским протекторатом, обеспечит то, что советы и приказы Оттоманской империи будут безусловно исполняться” [14, с. 23]. Однако такая просьба не встретила понимания в турецких “верхах”. В итоге

Бухара вынуждена была подписать с Россией договор в 1868 г., превративший ее в протекторат царской империи. Но антироссийская деятельность Турции в среднеазиатских ханствах не только не уменьшилась, но и становилась активнее. Известный советский востоковед Н.А. Халфин писал о том, что “англичане и турки уделяли много внимания пропаганде вражды к России в Кокандском ханстве” [15, с. 31]. Это было понятно, так как именно в этом государстве в начале 1870-х гг. началось восстание народа, в котором заглавную роль играли кочевники – кыргызы. Турция сыграла немалую роль в его подготовке и осуществлении. Британский генерал-майор, деятель англо-индийского правительства Г. Раулинсон писал о том, что в начале восстания в 1873 г. российскому послу в Турции, графу Н.П. Игнатьеву, дали понять, что “Россия действует вразрез с интересами мирового ислама. Естественно, что Игнатьев правильно понял опасность мусульманской пропаганды в деле противопоставления Запада и Востока” [16, с. 344]. Россия не вмешалась во внутренние дела Кокандского ханства, поскольку ее политики тоже учитывали связь религии со своими геополитическими планами в Туркестане. Они лишь воспользовались полным крушением ханства, образовав на его месте Ферганскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края) [17]. Известно, что перед началом Ферганского восстания один из его лидеров – Абдурахман-афтобачи совершил хадж в Мекку и Медину, а на обратном пути побывал в Стамбуле, где получил “благословение” турецкого султана на “газава” против русских [18, с. 20]. По итогам восстания, российская газета “Голос” писала в 1876 г. (№ 23) о том, что “Турция пока еще мало сделала вреда в Средней Азии (т. е. вне Кокандского ханства – А.А.), но в будущем сделает еще многое” [19, с. 13].

Историк В.М. Хвостов писал о том, что во время ухудшения англо-турецких отношений из-за Египта “первенствующее влияние в Константинополе в 80-х гг. (XIX в. – А.А.) перешло к России” [12, с. 190]. По его мнению, в тот период Россия усилила свое влияние на Стамбул. Вместе с тем известно, что в середине 1880-х гг., во время движения так называемых “джетым-ханов” (“лжеханов”) Турция немало постаралась для того, чтобы его активизировать. Турецкие агенты под той же личиной, о которой мы упоминали выше, во множестве проникли в Туркестан, где активно занимались саботажем. Они призывали мусульман региона к восстанию против власти русских, распространяли листовки антирусского и антихристианского содержания. Так, например, в 1886-1887 гг. в Туркестанском крае во многих местах (преимуще-

ственно, в Ферганской области) турецкие агенты распространяли листовки-“воззвания” от имени якобы пророка Мухаммеда, в которых, в частности, говорилось: “Я созвал народное собрание и с многочисленным войском мы истребим всех неверных с помощью Всемогущего Бога и силою Всевышнего владыки” [20, с. 2].

Период глобального пересмотра экономических интересов, и как следствие войны, перевороты, вовлечение целых государств в геополитическое противостояние мировых игроков, подтолкнули Турцию к эксплуатации религиозного бренда в своей антироссийской политике в регионе Средней Азии. В активном сотрудничестве с Британией, Турция прилагала максимум усилий на пропаганды пантюркистского ислама, который не всегда соотносился с потребностями общемирового сообщества мусульман.

Литература

1. Маркс К. Греческое восстание. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958.
2. Маркс К. Британская политика. – Дизраэли. – Эмигранты. – Мадзини в Лондоне. – Турция. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957.
3. См.: Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока / С.А. Нефедов. М., 2008.
4. Маркс К. Русско-турецкие осложнения. – Уловки и увертки лондонского кабинета. – Последняя нота Нессельроде. – Ост-Индский вопрос. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957.
5. Цит. по: Новая история стран Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1995.
6. Petersen A. The Ottoman Conquest of Arabia from 16th to the 18th Century / A. Petersen // Bulletin of the Society for Arabian Studies. 2008, № 13.
7. См.: Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха Нового времени): монография / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
8. Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени): монография / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
9. См. подробно об этом: Шебунин А.Ф. Куфический Коран Императорской С-Петербуржской публичной библиотеки / А.Ф. Шебунин. СПб., 1891.
10. См.: Савицкий А.П. Некоторые данные об исламских учреждениях и политике царских властей в Туркестане / А.П. Савицкий // Труды Среднеа-

- зиатского государственного университета имени В.И. Ленина. История Средней Азии и Узбекистана. Ташкент, 1956.
11. См.: *Валиханов Ч.Ч.* Собр.соч.: в 5 т. Т. 1 / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1984.
 12. История дипломатии. Т. 1. М., 1959.
 13. См.: *Бартольд В.В.* Турция, ислам, христианство // Сочинения: в 9 т. Том 6 / В.В. Бартольд. М., 1966.
 14. *Saray Mehmet.* The Russian Conquest of Central Asia / Saray Mehmet // Central Asiaq Survey. The Journal of the Society for Central Asian Studies. 1982. Vol. 1. № 2–3.
 15. *Халфин Н.А.* Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50-80-е гг. XIX в.) / Н.А. Халфин // Труды Среднеазиатского государственного университета имени В.И. Ленина. История стран Востока. Ташкент, 1957.
 16. *Rawlinson H.* England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia /H. Rawlinson. London, 1875.
 17. См.: Именной, данный Сенату. – Об порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. 1876 г. СПб., 1878. № 55593. С. 139; Именной, объявленный Сенату Товарищем Министра Юстиции. – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 г. // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. 1876 г. СПб., 1878. № 55594. С. 139–140.
 18. См.: ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 94. – Мюридизм в Средней Азии.
 19. См.: Туркестанский сборник. Т. 151. СПб., б.г.
 20. Архив СПб Ф ИВ РАН. Ф. 33 (Кун А.Л.). Оп. 1. Д. 186 – Воззвание некоего Мухаммеда к священной войне с неверными.